

DOI: 10.12731/2218-7405-2013-5-14

УДК 821

ПАНК-СУБКУЛЬТУРА: ИДЕОЛОГИЯ АБСУРДА

Авилова Е.Р.

Цель работы - исследование специфики категории абсурда в контексте идеологии панк-субкультуры.

В статье обосновываются следующие выводы: идеология абсурда в панк-субкультуре - это альтернативная система ценностей, способ неприятия традиции в ее социально-культурном варианте; категория абсурда задает ряд важных для анализа общей идеологии контркультурного типа мышления поведенческих установок, а также становится своеобразной формой существования, нацеленной на разрушение реальности, преодоления ее нравственных и социально-политических норм. В работе впервые доказано, что в контексте субкультуры категория абсурда через свою прагматичность, карнавальную игру, десакрализацию существующих культурных норм и ценностей, через экзистенциальную основу создает контркультурную идеологию. В данном исследовании применяется методология семиотического, системно-функционального и контекстуального анализа.

Работа представляет интерес для специалистов, работающих в области социологии, культурологии и литературоведения.

Ключевые слова: абсурд, абсурдизм, культура, субкультура, идеология, Егор Летов, онтология, социум.

PUNKS SUBCULTURE: IDEOLOGY OF NONSENSE

Avilova E.R.

The purpose of scientific research - research the specific category of the absurd in the context of the ideology of the punk subculture.

In this study substantiated the following conclusions: the ideology of the absurd in the punk subculture - is an alternative system of values, a way of rejection tradition in its socio-cultural version, the absurd category sets for the analysis of a number of important common ideology countercultural mindset behaviors, as well as becoming a form of existence, aimed at the destruction of reality, to overcome its moral, social and political norms.

In the scientific study, the first to demonstrate that in the category of the absurd subculture through its pragmatism, a carnival game desocialization existing cultural norms and values, through an existential foundation creates a countercultural ideology. In this study, the methodology is applied semiotics, system-functional and contextual analysis.

This research is of interest to professionals working in the field of sociology, cultural studies and literary criticism.

Keywords: absurd, absurdity, Culture subkultra, ideology, Yegor Letov, ontology, society.

Абсурд как онтологическая категория, как правило, находится в фокусе философского рассмотрения. В частности, О.В. Вдовиченко, осуществляя философский анализ феномена абсурда в художественном сознании, дифференцирует его специфику по трем уровням: онтологическому (изображением фантазмагорической реальности), гносеологическому (познание современного мира) и аксеологическому (способ самоосмысления героя-маргинала) [3, с. 9]. В данном исследовании мы остановимся на анализе

абсурда в контексте идейного базиса панк-субкультуры. В качестве практического материала, подтверждающего основные тезисы работы, мы используем песенное творчество Егора Летова – одного из ярчайших современных представителей панк-культуры.

Мы полагаем, что именно категория абсурда задает ряд важных для анализа общей идеологии контркультурного типа мышления поведенческих установок, а также становится своеобразной формой существования, которая нацелена не только на отрицание, но и на разрушение реальности, преодоления ее нравственных и социально-политических норм.

Как отмечает О.А. Аксютин в исследовании «Панк как феномен молодежной контркультуры в постсоветском пространстве»: «Панк является чрезвычайно сложным культурным явлением, главным императивом которого сначала было разрушение всевозможных стереотипов и рамок. Он является не просто музыкальным стилем панк-роком, а разнородной культурой со своими системами ценностей, определенными типами поведения, эстетическими программами и внутренними противоречиями» [1, с. 3]. Абсурдное восприятие реальности, характерное для мировоззрения представителей панк-субкультуры, имеет особый трагедийный характер и подчеркивает распад предлагаемых обществом духовных ориентиров и нравственных ценностей. Субкультурное стремление занять маргинальное положение в социуме, в искусстве формирует специфическую картину мира, основой которой становится ведущая этическая установка – неприятие любой кодификации. Подобного рода контркультурность подводит субкультуру с одной стороны – к иным культурным системам (мифология, фантазмагория), с другой – к переосмыслению традиционных социальных стереотипов, что во втором случае и объясняет наличие абсурда в контркультурном типе мышления.

Таким образом, в самом общем смысле, абсурд - альтернативная система ценностей, способ неприятия традиции в ее культурном и социальном изводе. Именно поэтому, абсурд (в определенном смысле слова) становится не только

формой постижения действительности, а своеобразной идеологией, отправной точкой субкультуры.

Вспомним слова Егора Летова: «Когда мы начинали играть, эпатаж носил характер чисто футуристический. В первых двух альбомах группа исповедовала чистый абсурд и футуризм. Абсурд, как принцип максимального бунта по отношению к логической реальности» [5, с. 2]. Ср.:

Меня тошнит от вашей логики

Меня тошнит от вашей логики

Кто ищет смысл, пусть глядит на небеса [4, с. 58].

Панк как социокультурный феномен появляется как раз в эпоху жесткой социально-политической поляризации, и абсурд является здесь не только эпатажным и гротескным отрицанием и отбрасыванием человеческой сущности, но и попыткой философски постигнуть глубинные принципы своего существования с принципиально иных мировоззренческих позиций в пограничных состояниях.

В определенной степени абсурд в контркультурном сознании становится нормой существования, которая преследует цель не только отрицания реальности, но и ее преодоления и разрушения. Появляется своеобразная карнавальная замена норм, ценностей, мировоззренческих доминант и т.д. В качестве частного примера, можно привести ряд мортальных мотивов и образов в песенной лирике Егора Летова, где (если говорить условно) в рамках онтологической абсурдности переосмысливаются все общепринятые аксиологические и онтологические категории:

А мир был чудесный, как сопля на стене

А город был хороший, словно крест на спине

А день был счастливый – как слепая кишка [4, с. 27].

В частности, у Егора Летова абсурд по своей сути является карнавальным, где все оппозиции не только снимаются, а заменяются. Обратимся к хрестоматийной работе М.М. Бахтина («Творчество Франсуа

Рабле и народная культура средневековья»), где читаем: «Столкновение и взаимодействие двух миров: мира вполне легализованного, официального, оформленного чинами и мундирами, ярко выраженного в мечте о «столичной жизни», и мира, где все смешно и несерьезно, где серьезен только смех. Нелепости и абсурд, вносимые этим миром, оказываются, наоборот, истинным соединительным внутренним началом другого, внешнего» [2, с. 472].

Аналогичная ситуация появляется и в панк-субкультуре, представители которой обращаются к разным приемам и формам гротесковой карнавализации: кукол, игрушек, тем безумия, уродства и т.д.. Например, мотив сна является любимым способом создания эффекта двойственности мира, параллельной реальности:

Сон наоборот

Я спотыкаюсь на ровном месте

Сон наоборот

Волос в чашке моей воды [4, с. 32].

Карнавальная игра предопределяет обращение представителей панк-субкультуры к табу, парадоксальным явлениям и процессам, чья алогичность и абсурдность должны были конкурировать с рациональными ценностями и нормами официальной идеологии. Соответственно выстраивалось противостояние между системой ценностей «взрослых» и представителей молодежных субкультур, которые демонстративно обращались к детской непосредственности, абсурду, безумию как средствам предельного эпатажа и протеста.

Таким образом, абсурд помогает не только преодолеть нормированную и кодифицированную систему, но и создать ситуацию преднамеренной замены, где жизнь становится смертью, добро злом, красивое безобразным: «Смерть – это место для тех, кто жив» [4, с. 41].

Следовательно, абсурд в определенной степени коррелирует с игрой, карнавальным действием, которое реализует и его прагматические аспекты. В частности, Т. Н. Шеметова в исследовании «Панк-хардкор субкультура: эстетика и идеология» отмечает, что в панк-субкультуре уже на начальном этапе ее развития наблюдалась тенденция к стиранию граней между собственно искусством и жизнью: имидж и эпатажное самовыражение на сцене во время концерта практически не отличались от экстремального внешнего вида и поведения в бытовой реальности. Расшатывать традиционные принципы жизненного уклада стало для представителей этой субкультуры нормой, как в искусстве, так и в жизни [7, с. 30]. Отсюда ведущее свойство панк-субкультуры – прагматичность (поем, как живем, живем, как поем).

«Безумие и его знаки,- отмечает Т.Б. Щепанская, - культивируются также как разновидность «отхода» от регламентных действий со стороны социума: сумасшедший означает неуправляемый, свободный. Безумие (а точнее, игра в безумие) знак неуправляемости: отказ или отход от восприятия сигналов (программ поведения, команд), которые приходят от общества с его «нормальной» логикой. Символическое безумие - одна из форм обозначения пределов молодежной культуры, ее противостояния культуре господствующей» [8, с. 83]. Поэтому важной категорией в идейном базисе панк-субкультуры является анархия, представляющая собой хаос, который, смешивая грани прекрасного и уродливого, призван разрушить упорядоченный мир.

Соответственно, абсурдность существования осознается и оценивается ими как результат парадоксальной, противоречивой действительности, лишенной однозначной оценки. В этом контексте обращает на себя внимание антигосударственный пафос творчества многих панк-коллективов. Как правило, в субкультурном сознании государство – это аллегория системности, упорядоченности, строгой кодифицированности, и лишь восприятие реальности сквозь призму абсурда нацелено на разрушение этой системы. Отсюда обилие деструктивных образов, так или иначе, связанных с государством. Ср.:

Орденосный Господь победоносного мира

Заслуженный Господь краснознамённого страха

Праведный праздник для правильных граждан

Отточенный серп для созревших колосьев[4, с. 34].

С этой точки зрения, субкультурный бунт абсурдизма получает экзистенциальное наполнение: ощущение дисгармоничности мира и тотального одиночества. Таким образом, абсурд панк-субкультуры на самом глубинном уровне является не только эпатажем, гротескным отрицанием и отбрасыванием человеческой сущности, а попыткой философски постигнуть глубинные принципы своего существования с других мировоззренческих позиций, с позиции пограничного состояния человеческого существования. Заметим, что в панк-субкультуре абсурдизм берет на себя еще одну важную онтологическую установку – десакарализировать существующие культурные нормы и идеалы. Неслучайно, что феномен панка появлялся в самую идеологически жесткую эпоху (1970 - 80-ые гг.). Поэтому значительное количество цитат и аллюзий из массовых песен, перемещение их в ироничный контекст, пародирование распространенных социально-культурных кодов стало еще одним средством абсурдистского протеста представителей панк-субкультуры [6, с. 15].

Кроме этого, абсурд панк-субкультуры реализуется и на лингвистическом уровне. Например, доминантным фактором лексиконе панка является демонстративное употребление табуированных языковых практик, что, по мнению ее представителей, обеспечивают разрушение культурного языкового пространства. Как отмечает Т.Н. Шеметова, такие специфические языковые практики «является не коммуникативной избыточностью, традиционной русской бранью или своеобразным стилистическим катализатором, который усиливает «сочность» высказывания. Здесь это необходимая и естественная форма прямого эстетического бунта, который задевает идеологическую сферу субкультуры» [7, с. 122].

Итак, категория абсурда через свою прагматичность, карнавальную игру, десакрализацию существующих культурных норм и ценностей, через свою экзистенциальную основу создает принципиально иную контркультурную идеологию. Кроме этого, в общем контексте панк-субкультуры абсурдизм становится своеобразным гарантом бытования обозначенной идеологии.

Список литературы

1. Аксютин О.А. Панк как феномен контркультуры в постсоветском пространстве: дисс. канд. культ. наук. М., 2003. 245 с.
2. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Художественная литература, 1990. 541 с.
3. Вдовиченко О.В. Культурфилософский контекст абсурда в художественном сознании России рубежа XX – XXI вв. (на материале творчества В. Пелевина, Д. Липскерова) : автореф. дисс. на соискание науч. степени канд. культ. наук. Саранск, 2009. 30 с.
4. «Русское поле экспериментов»: Егор Летов, Яна Дягилева, Константин Рябинов. М.: ТОО «Дюна», 1994. 162 с.
5. Летов Е. Именно так все и было (творческо-политическая автобиография) // Лимонка. 1994. № 2. С. 2- 15.
6. Цукер А. Даниил Хармс и советский рок-абсурдизм // Южнороссийский музыкальный альманах. № 2. 2011. С. 8 -16.
7. Шеметова Т. Н. Панк-хардкор субкультура: эстетика и идеология : дисс. канд. культ. наук. М., 2007. 200 с.
8. Щепанская Т.Б. Молодежные сообщества. М.: РГГУ, 2003. 177 с.

References

1. Aksjutina O.A. *Pank kak fenomen kontrkul'tury v postsovetskom prostranstve* [Punk as a phenomenon of counter-culture in the post-Soviet space]. Moscow, 2003. 245 p.

2. Bahtin M.M. *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaja kul'tura srednevekov'ja i Renessansa* [Creativity Francois Rabelais and the folk culture of the Middle Ages and the Renaissance]. Moscow, 1990. 541 p

3. Vdovichenko O.V. *Kul'turfilosofskij kontekst absurda v hudozhestvennom soznanii Rossii rubezha XX – XXI vv. (na materiale tvorcestva V. Pelevina, D. Lipskerova)* [Cultural and philosophical context of the absurd in the artistic consciousness of Russia abroad XX - XXI centuries (on the basis of works of V. Pelevin, D. Lipskerova)]. Saransk, 2009. 30 p.

4. «*Russkoe pole jeksperimentov*»: Egor Letov, Jana Djagileva, Konstantin Rjabinov ["Russian field of experiment.]. Moscow, 1990. 167 p.

5. Letov E. *Limonka*, no. 2 (1994): 2-15.

6. Cuker A. *Juzhnorosijskij muzykalnyj almanah*, no. 2 (2011): 8-16.

7. Shemetova T. N. *Pank-hardkor subkul'tura: jestetika i ideologija* [Hardcore punks subculture: aesthetics and ideology]. Moscow, 2007. 200 p.

8. Shhepanskaja T.B. *Molodezhnye soobshhestva* [Youth community.]. Moscow, 177 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Авилова Елена Равильевна, доцент кафедры русской филологии, кандидат филологических наук

Технический институт (филиал) Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова в г. Нерюнгри

ул. Кравченко д. 16, г. Нерюнгри, Республика Саха (Якутия), Россия

Lena-tem@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Avilova Elena Ravilevna, associate professor, Department of Russian Philology, Ph.D. in philological science

*Technical Institute (branch) of the North-Eastern Federal University. MK Ammosova
in Neryungri*

16, Kravchenko str., Neryungri, Sakha (Yakutia), Russia

Lena-tem@mail.ru

Рецензент:

Осипова О.И. к. филол. н.